

небу и земли и всей твари хитрец и содетель есть бог».⁸⁰ Эти и иные сопоставления позволяют с большой долей вероятности предположить, что в основе религиозных и философских воззрений русских стригольников лежало то же дуалистическое миропредставление, что и у болгарских богомилов и многих других родственных им сект. Мнение это не ново. Еще в конце XIX в. Ф. И. Успенский указывал на подобные аналогии между русскими и болгарскими еретиками.⁸¹

Итак, вера в небесного бога, отца избранных, отрицание догмата о воплощении второго лица Троицы и связанного с этим таинства евхаристии — вот основные положения вероучения новгородско-псковских еретиков. Именно на эти тезисы церковь обратила внимание в первую очередь, выступив против них с обличительными посланиями и иными мероприятиями, включительно до смертной казни. Однако в руках церкви было еще одно могущественное средство, которое по силе воздействия на народные массы являлось гораздо более решительным, чем обличительные послания, доступные лишь для людей образованных. Этим средством было изобразительное искусство, к которому, как мы видим, прибегла в аналогичных обстоятельствах византийско-югославянская церковь. Церковь русская не замедлила последовать тому же примеру.

Анализируя иконографические предпосылки создания новгородской иконы XIV в. «Отечество» (находится в Третьяковской галерее), В. Н. Лазарев делает весьма убедительное предположение, что стригольники «не признавали традиционного учения церкви о триедином божестве», в Христе видели «простого человека», учителя и проповедника веры. «Тем самым догмат троичности божества ставился ими под сомнение, либо полностью отвергался».⁸² В этой связи «далеко не случайно, — по мнению В. Н. Лазарева, — иконографический тип «Отечества», дотоле неизвестный русскому искусству, впервые всплывает в том городе, где еретические движения достигли в ранний период наибольшего размаха».⁸³ Но если в защиту догмата троичности была выдвинута церковью композиция «Отечество», то вряд ли будет ошибкою считать, что волотовская фреска «Премудрость созда себе дом» возникла как апология другого важнейшего догмата христианского учения — догмата о воплощении второго лица Троицы — Логоса в телесный храм его — Богоматерь. Как и «Отечество», эта композиция, по-видимому, впервые на русской почве появилась в Новгороде, где в XIV в. кипела борьба с ересью и, конечно, имела те же исторические основания.

О росписи волотовской церкви в научной литературе установилось мнение как о возникшей под воздействием демократических и даже прямо еретических воззрений. Это мнение базируется на том факте, что во многих сценах волотовской церкви сказывается влияние апокрифов. Эти легенды являются, по мнению Н. Г. Порфиридова, ответом на «запросы пробуждающегося сознания», которое не удовлетворяется каноническим «священным писанием».⁸⁴ Еще решительнее высказывается Д. С. Лихачев: «Волотовский мастер, — говорит он, — стремился приблизить религиозные сюжеты к современности... внести в них то религиозное воль-

⁸⁰ Ф. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892, стр. 374.

⁸¹ См.: там же, стр. 384.

⁸² В. Н. Лазарев. Об одной новгородской иконе и ереси антитринитариев. — Сб.: Культура древней Руси, М., 1966, стр. 110.

⁸³ Там же, стр. 111.

⁸⁴ Н. Г. Порфиридов. Живопись Волотова. — Новгородский исторический сборник, вып. 7, Новгород, 1940, стр. 58.